

ISSN 1897-1423

CONVERSATORIA LITTERARIA

W KRĘGU ZAGADNIEŃ
KOMPARATYSTYKI:

TEORIA I PRAKTYKA
ZWIĄZKÓW LITERACKICH

ROK II
(2009)

Siedlce - Banská Bystrica 2009

ВИКТОР ДМИТРИЕВ
(Oklahoma)

ГЕГЕЛЬ В ЧЕВЕНГУРЕ, ИЛИ ПЛАТОНОВ И ПЛАТОН

...произведения писателя все настойчивее называют философской прозой...

В.А.Свительский¹

Философия начинает с борьбы против мифа, но кончается она тем, что приходит к мифу, как увенчанию философского познания.

Н.Бердяев²

Один из героев Андрея Платонова, слесарь Захар Павлович, «не мог превозмочь свою думу, что человек произошел из червя, червь же – это простая страшная трубка, у которой внутри ничего нет – одна пустая тьма.»³

Интересно, что такие же мысли посещали и Георга Вильгельма Фридриха Гегеля, которого считают великим философом. Гегеля знают все, а Захара Павловича – никто. Даже читатели, которые познакомились со слесарем через Андрея Платонова, вряд ли думают, что Захар Павлович – великий философ...

Но давайте сравним его мысль с мыслями Гегеля, который писал:

[...] зародыш растения, ребенок есть еще только *внутреннее* растение, *внутренний* человек. Но именно поэтому растение как заро-

---

¹ В.А.Свительский, *Конкретное и отвлеченное в мышлении А.Платонова-художника*, в: *Творчество А.Платонова*, Воронеж 1970, с. 7.

² Н.Бердяев, *Дух и реальность*, Москва, 2007, с. 211.

³ А. Платонов, *Избранное*, Москва, 1966, с. 174.

дыш или человек как зародыш есть непосредственное, нечто внешнее, еще не сообщившее себе отрицательное соотношение с самим собой, *нечто пассивное*, предоставленное инобытию.⁴

Мысль Захара Павловича проста и сложна одновременно. Мысль Гегеля вычурна, тривиальна, да к тому же и откровенно неверна. В самом деле: семя растения или сперматозоид (зародыш человека) не есть нечто «непосредственное», ибо одно представляет собой будущее растение, а другой – будущего человека, вот, стало быть, и *опосредствованность*. Почему это вдруг семя или сперматозоид есть нечто «пассивное»? Дело не в том, что сперматозоид удивительно активен по сравнению с семенем растения, а в том, что *в каждом из них* протекает активная внутренняя жизнь, без которой оба не могли бы развиваться каждый в свою будущую форму. Обе формы предоставлены своему инобытию *изначально* и уже *поэтому* пребывают в «отрицательном соотношении с собой»: в семени отрицается его бытие зародыша тем, что ему суждено стать растением, а в сперматозоиде отрицается его бытие зародыша тем, что ему суждено стать человеком...

Шеллинг упрекал Гегеля в тривиальности, видимо, не случайно. Ведь, на самом деле, перед нами хоть и вычурная, но, все-таки, самая настоящая банальность. Куда ведет Гегеля его философская метафора? Никуда. Метафора же Захара Павловича подводит нас к нашему психологическому состоянию на сегодня, к нашей духовной озабоченности. Она психологически актуальна: а что если и я, и люди, меня окружающие – темные пустые трубки?... Как мне строить жизнь в случае, если это мое предположение, мой очередной миф – правда?... Захар Павлович, при этом, не говорит, что червяк «пассивен», что он еще «не вступил в отрицательное отношение с самим собой»... Все наоборот – очень активен, ибо развился в человека, и именно в человеке себя сохранил... Ни дать ни взять, булгаковский Шариков... И Захара Павловича эта мысль прямо-таки гнетет, *мучает*... Но если философское открытие Захара Павловича привело его к мучению, к озабоченности, которую ему хотелось бы *преодолеть*, то Георга Вильгельма Фридриха Гегеля *его* мысль привела к бодрому и интересному выводу, который никакими «мучениями» не сопровождался.

Гегель:

Так и бог в своем *непосредственном* понятии не есть дух; дух – это не то, что непосредственно, что противоположно опосредствованию, а скорее сущность, вечно полагающая свою непосредственность и вечно возвращающаяся из нее в себя. Поэтому *непосредственно* бог есть лишь *природа*. Иначе говоря, природа – это лишь внутренний бог, а не действительный как дух и тем самым не истинный бог.»⁵

⁴ Г.В.Ф.Гегель, *Наука логики*, т. 2, *Учение о сущности*, Москва, 1971, с. 168.

⁵ *Ibidem*.

Но если «не истинный», то какой же это «бог»? Помните? Если Бога нет, то какой же я штабс-капитан? Если природа это бог, но не «гот», то как мы можем доверять второй его половине, про которую философ сам говорит, что она «вечно полагает свою непосредственность», то есть не может оторваться от своего *неистинного*, от штабс-капитанской своей сущности (от того, чтобы не мыслить о себе – я червь). Как же нам доверять философу, который не доверяет существу, да которое называет еще и «богом»?.. Как дуб есть *внутреннее* желудя (впрочем, точно в такой же степени, как и желудь есть *внутреннее* дуба) и в этом отношении выступает его истиной, так и Бог, являясь внутренним природы, тоже выступает ее истиной... Гегель же, ничтоже сумняшеся, оставляет природу в *простой и страшной тьме*, объявив собственное производство ее в ранг «бога» неистинным... Получается, что вместе с природой в этой же тьме он оставляет и «зародыш человека», обрекая таковой на судьбу, горькую думу о которой не мог превозмочь Захар Павлович, с горечью полагавший, что если природа темна и пуста, то очень может быть, что и человек темен и пуст. Захар Павлович за *единство* природы и человека, материи и духа, но мучается мыслью, что это единство может работать против человека, против духа, против Самого Бога, наконец...

Захар Павлович не ученый, не профессиональный философ, он рабочий, слесарь... Он не *софист*... А Гегель софист. Захар Павлович живет практическими интересами: ему надо чинить механизмы; философ Гегель тоже чинит механизмы, но это механизмы умственных конструкций... Ему надо, чтобы крутились колеса философии, колесики рассуждений, *понятий*...

А что происходит в голове Захара Павловича? Он вместо *понятия* червяка видит конкретного червяка, вместо *понятия* человека, видит конкретного человека... Вывод он делает абстрактный, то есть он тоже выводит *понятия*, ибо говорит, что вот, де, просто ужас какой-то: глядишь иногда на людей и думаешь: ну до чего темны и страшны, аж страх берет... Но если философ (он же софист) понимает, что понятие это абстракция от предмета, то Захар Павлович *отождествляет* предмет с понятием, он оперирует «целостностью», которая отличается от того, чем оперирует софист...

Почему для нас это важно и причем тут Гегель?

А при том, что речь у нас идет об Андрее Платонове... Родился он в деревне, потом уже стал пролетарием, потом стал журналистом, писателем... Он остро ощущал свою биографию в том самом плане, в каком Гегель говорит о природе и боге, о зародыше и о том, что из этого зародыша вырастет... Благодаря философии, мы подобрались, можно сказать, к интимнейшей тайне платоновского «я»... Захар Павлович (пророк Захария и апостол Павел одновременно) выслан Платоновым из глубины его сердца навстречу марксизму-ленинизму и самой революции с вопрошанием о себе – куда же теперь девать таких как я?.. Что с нами будет?..

Как ни умны философы (Гегель ли, Маркс ли, Ленин ли...), но что им не дано, так это мучиться мукой сознания, мыслящего «целостностями»

ми», сознания, *физически* страдающего от несовершенства жизни... А отсюда и известная наивность философов, наивность, которая не избежала острой сатиры Платонова:

[...] Чепурный, благодаря Прокофию, имел в себе убедительную теорию о трудящихся, которые есть звери в отношении неорганизованной природы и герои будущего, но сам для себя Чепурный открыл одну успокоительную тайну, что пролетариат не любит вид природы, а уничтожает ее посредством труда, - это буржуазия живет для природы: и размножается [...].⁶

Трудящиеся потому звери и дикая природа, что относятся к разряду *зародышей* коммунизма. Они люди темные, но в будущем и с ними все будет в порядке. Вот как и с самим Чепурным. Они тоже *вступают в отрицательное отношение с собой*. Если мастер Захар Павлович боялся, что человек, может быть, всего лишь очень большой червяк, то Чепурный, уже *превозмошедший* всех мастеров, совершив важный диалектический скачок в своем развитии, считает, что он не «трудящийся», а рангом выше – пролетарий... Они все неистинные («червяки»), а он *истинный* (уже «человек»), они (если рассуждать по Гегелю) «природа», а он нечто вроде «бога»... За себя он уже не боится, хотя мы за него боимся, потому что в факте уничтожения природы есть нечто *темное и страшное*... Под уничтожением природы этой новой породой червяков от революции Платонов имел в виду не только бессмысленное варварское руководство бюрократов, разрушающих землю, природу, но и нечто другое. Дело в том, что Чепурный с Прокофием находились в сожительстве и поэтому Чепурный рабочих слегка презирал за их «неорганизованную» звериность в отношении природы, которую он, вместе с Прокофием, успешно *переорганизовал*, оставив на долю несознательной буржуазии функцию примитивного размножения, наивного совпадения с природой; а на долю диких трудящихся более сложную функцию чистого существования (то есть - без половых сношений, о чем речь ниже). Трудящиеся, по Чепурному, еще находились под властью «внешнего», под властью инобытия, еще не вступили в *отрицательное отношение с собой*. А Чепурный с Прокофием *уже вступили*. Таким образом, Чепурный смешал трудящихся с буржуазией, то есть как бы *принизил* их всех, а себя над ними над всеми возвысил тем, что он, Чепурный, уничтожает природу (скажем ее изначальное желание, чтобы Чепурный был мужчиной и хоть немножечко бы, да размножился) посредством *труда*, о природе которого простому трудящемуся никогда и не догадаться.

Н.А.Бердяев:

⁶ Андрей Платонов, *Чевенгур*, Paris, 1972, с. 241

[...] философия Гегеля непомерно возвеличивает человека, делая его источником самосознания Бога, и совершенно унижает человека, отрицая всякую самостоятельность человеческой природы.⁷

Может быть, тут все несколько иначе? - Гегель непомерно возвеличивает человека не тем, что делает Бога источником его самосознания, а - самосознание человека делает источником Бога. Став по отношению к бывшему Богу новым «Богом», сознание человека стало «само себе Бог». Закон гегелевской диалектики (А в то же самое время есть не-А) сработал в абсолютно нежелательном, хотя и в логически последовательном отношении: Бог оказался равным «не-Богу»; самосознание оказалось неравным самому себе, т.е. - не самосознанием *сознания*, а оказалось самосознанием самого себя. Вот в этой принципиальной неподчиняемости формально-логическим законам и кроется та самая «несамостоятельность человеческой природы», о которой говорит Бердяев. Эта природа полностью зависит от своей собственной анархии, от своей тупой неорганизованности...

Владимир Ленин писал:

[...] на известной ступени развития демократии она... сплывает революционный против капитализма класс – пролетариат и дает ему возможность разбить, сломать вдребезги, стереть с лица земли буржуазную, хотя бы и республикански буржуазную, государственную машину, постоянную армию, полицию, чиновничество, заменить их более демократической... машиной в виде вооруженных рабочих масс, переходящих к поголовному участию народа в милиции.⁸

Совершенно очевидно, что эти милиционеры, дружно поедающие труп государства, этой *абстрактной формальности*, в будущем уступят свое место *более действительным* милиционерам, которые уже будут находиться в «отрицательном отношении с собой», так что будут более активными и сознательными поедателями государства.

Платонов вряд ли занимался вплотную философией Гегеля, но инстинктом своего художественного гения он знал, что природность духа и духовность природы открываются друг другу только в человеке и через человека, через его разум... Он и не скрывал от своих читателей, что его герои еще не совсем ставшие люди, что они хтонические существа, т.е. по-длинно мифические герои («Мы растем из земли, из всех ее нечистот, и все, что есть на земле, есть и на нас.»⁹).

Российскую революцию Платонов воспринял как попытку человека вырваться из-под власти той самой природной тьмы, которая довольствуется

⁷ Николай Бердяев, *Опыт эсхатологической метафизики*, в: *Царство духа и Кесаря*, с. 231.

⁸ В. Ленин, *Государство и революция*, Полное собрание сочинений, т. 33, Москва 1962, с. 100.

⁹ А. Платонов, *Избранное*, с. VIII.

фальшивым богом. Он воспринял революцию как попытку природы подняться над собой, преодолев свою гегелевскую «неистинность», но не прямым переходом в «природу», а через превращение в человека, через восхождение к разуму. Однако, по мере постижения движений революции, Платонов понял, что имел дело с «диалектикой», с мифически правдоподобным превращением хтонических существ в пролетариев, то есть: в унижаемого, оскорбляемого и, в то же самое время, непомерно возвеличиваемого бога.

Марксист лишь тот, кто распространяет признание борьбы классов до признания диктатуры пролетариата.¹⁰

Это Ленин, а не Платонов. Но, тем не менее, на память сразу приходит отрывок из «Чевенгура», когда в глазах умирающего солдата явственно видны были проплывающие облака и глаза эти становились похожими на минералы. Так диктатура пролетариата влияла в умирающее, более не сопротивляющееся ей сознание, превращая это сознание в минерал, превращая живого человека в *твердокаменного* коммуниста... Марксист лишь тот, кто как один умрет в борьбе за это, за то, чтобы стать минералом... Победившим все и вся абсолют, совершенно примирившим в себе дух и *мертвую природу*...

Теперь есть предложение образовать плановую комиссию, чтобы она составила цифру и число всего прихода-расхода жизни-имущества до самого конца...

- Чего конца: всего света или одной буржуазии? – уточнил Чепурный.

- Не обозначено. Написано – «потребности, затраты, возможности и дотации на весь восстановительный период до его конца».¹¹

Мы знаем, что в «Науке логики», в конце ее, описывается финальное «пришествие» абсолюта, но при этом подразумевается постоянное присутствие абсолюта во всех предшествующих «пришествию» пертурбациях, что совершенно естественно: абсолют не может переживать «пришествия», он должен *быть*, причем всегда и везде, иначе в чем же его абсолютность? Философия Гегеля не только о тождестве бытия и мышления или о тождестве бытия и ничто, она еще и о тождестве абсолюта и становления.

Так вот и коммунизм у Андрея Платонова: с одной стороны, постоянно говорится о его *пришествии*, но с другой: он уже должен *быть* (в полном согласии с логикой Гегеля: бытие есть ничто, но при этом оно есть и мышление, и абсолют, и становление; коммунизм есть ничто, но, в то же время, он есть *всё* и во *всём* одновременно).

- Кто ж у тебя рабочий класс? – спросил Гопнер.

¹⁰ В. Ленин, *Государство и революция*, *op. cit.*, с. 34.

¹¹ А. Платонов, *Чевенгур*, *op. cit.*, с. 249.

- Над нами солнце горит, товарищ Гопнер... ..Раньше эксплуатация его своей тенью загоразивала, а у нас нет, и солнце трудится.

- Так ты думаешь – у тебя коммунизм завелся? – снова спросил Гопнер.

- Кроме его ничего нет, товарищ Гопнер, - грустно разъяснил Чепурный...¹²

Вот и опять «истинный» бог вытеснил бога «неистинного». На смену конечному пришло бесконечное, на смену становлению пришел абсолют, однако оживления жизни за этим не последовало. Абсолют предстал перед чевенгурцами в образе того самого *Конца*, о котором задал вопрос Чепурный...

Абстракция, постигающая себя как абстракцию, знает, что она есть ничто... ..вся [гегелевская] логика является доказательством того, что абсолютная идея сама по себе есть ничто, что только *природа* есть нечто.¹³

Карл Маркс тут очень похож на Чепурного, в разговоре с начальством ловко подменившего абсолютную идею коммунизма идеей живой природы: «Над нами солнце горит, товарищ Гопнер.» Но еще более Маркс похож на Чепурного в следующем своем рассуждении:

Что касается меня, то мне не принадлежит ни та заслуга, что я открыл существование классов..., ни та, что я открыл их борьбу между собою. ...То, что я сделал нового, состояло в доказательстве следующего: ...3) что... диктатура [пролетариата] сама составляет лишь переход к уничтожению всяких классов и к обществу без классов....¹⁴

Маркс успокоился на мысли, что люди (то есть «природа»), дойдя до состояния *диктатуры пролетариата*, как бы исчезнут, испарятся во всеобщем блаженстве. Ведь понятно-же, что общество без классов подобно телу без анатомии; абсолюту без становления... Возбужденный такими перспективами, он даже как-то и не заметил, что им же отвергнутый гегелевский абсолют (то есть – «абстракция», «ничто») нашел надежное убежище в его «теоретическом мирозерцании»... Гегелевское тождество абсолюта и становления означало торжество не «природы» над абсолютной идеей, не абсолютной идеи над природой, а торжество Смерти над тем и другим.

Ты чего? – спросил нищенку Чепурный.

- Я хочу, чтоб он еще пожил одну минуту, - сказала мать.

Копенкин наклонился и пощупал мальчика – он любил мертвых, потому что и Роза Люксембург была среди них.

- Зачем тебе минута? – произнес Копенкин. – Она пройдет, и он снова помрет, а ты опять завоешь.

¹² *Ibidem*, с. 282-283.

¹³ Г.В.Ф.Гегель, *Наука логики*, т.3, с. 330.

¹⁴ В. Ленин, *Государство и революция*, *op. cit.*, с. 34.

- Нет, - пообещала мать. – Я тогда плакать не буду, - я не успела запомнить его какой он был живой.

- Это можно, - сказал Чепурный...

- Да ведь он кончился, чего ты его беспокоишь? – спросил Копенкин.

- Ну, и что ж такое, скажи пожалуйста? – с суровой надежностью сказал Чепурный. – Одну минуту пожить сумеет, раз матери хочется: жил-жил, а теперь забыл! Если б он уже заledenел, либо его черви тронули, а то лежит горячий ребенок, - он еще – внутри весь живой, только снаружи помер.¹⁵

Вот так и Маркс думал, что если классы отомрут, то это только снаружи, а внутри-то общество будет «еще горячее», живое. Маркс был гегельянцем и знал, что «знание [...] не ограничивается непосредственным и его определениями, а проникает через него, исходя из предположения, что за этим бытием есть еще что-то иное, нежели само бытие, и что этот задний план составляет истину бытия.»¹⁶

За такую истину Маркс принимал коммунизм (абсолютную идею). Ради этой идеи он готов был превратить весь мир в Чевенгур... Ну как же, еще немножечко подышать на умершее человечество и покажется коммунизм...

Пока Чепурный помогал мальчику пожить еще одну минуту, Копенкин догадался, что в Чевенгуре нет никакого коммунизма – женщина только что принесла ребенка – а он умер.

Копенкин вдруг догадался, что за Чевенгуром нет никакого «заднего плана», понял, что истина этого бытия неистинна. Он понял, что имя всему этому коммунизму одно – Смерть¹⁷ ...

- Брось копать, больше его не организуешь, - указывал Копенкин Чепурному. – Раз сердце не чует, значит, человек скрылся.

Чепурный, однако, не оставлял своих фельдшерских занятий – он ласкал мальчику грудь, трогал горло под ушами, всасывал в себя воздух изо рта ребенка и ожидал жизни скончавшегося.

... – Когда ж он вздохнет-то? – слушала мать.

Чепурный поднял ребенка на руки, прижал его к себе и поставил между своих коленей, чтобы он находился на ногах, как жил.

- Как вы это без ума все делаете? – огорченно упрекнула мать.¹⁸

¹⁵ А. Платонов, *Чевенгур*, *op. cit.*, с. 264.

¹⁶ Г.В.Ф.Гегель, *Наука логики*, т.2, с. 7.

¹⁷ При обсуждении доклада мне был задан вопрос: «А почему роман называется «Чевенгур»?». Отвечаю на вопрос с опозданием (по принципу «лучше поздно, чем никогда»). По возвращении с семинара я задал этот вопрос своему коллеге, специалисту по иранской литературе Мансуру Самадзаде. В переводе с фарси «Чевен-гур» означает следующее: *как могила...*

¹⁸ *Ibidem*, с. 265.

Голосом матери тут говорят те жители Чевенгура, которых Платонов именуется «прочими»: пассивной вялой массой уставших, ко всему равнодушных зомби. Таким он видел народ, поднятый на борьбу за окончательную победу коммунизма, за окончательную победу абсолюта. Это были люди, сидящие в знаменитой пещере Платона, прикованные к своим местам и равнодушно вззирающие на какие-то там проходящие тени из совершенно чужой им и непонятной жизни.

Чепурный же и прочие *руководители* Чевенгура занимались тем, чем занимался философ Сократ в *Государстве* Платона, выдумывая свое искусственное, *совершенно мертвое* государство, государство, в котором заведомо не могло быть никакой жизни. Она, эта жизнь, из самого-то Сократа вытекла еще до того, как он стал это государство сочинять. Как ни старался Платон, но было видно, что самый образ философа превратился в пародию на прежнего Сократа. Автор «Государства» похож на кукловода, который искренно верит, что его кукла *живая*.

Платон не только умертвил Сократа, отняв от него его индивидуальность, он покусился и на самого себя, изгнав из своего *Государства* художников, поэтов. Как Чепурный не понимал, что тайна жизни кроется в ее, жизни, спонтанности, независимости от человека и его планов, так Платон думал, что искусством могут управлять «философы», некие разумные правители; как у Гегеля нечто тайное за бытием, вне его пределов, так и искусство, по Платону, могло быть управляемо какими-то людьми, пребывающими *вне* искусства. Оно вообще не может быть *управляемо*: это самая демократическая система из всех возможных. Чуть кто проявит по отношению к нему деспотические замашки, искусство тут же испускает дух, оно исчезает. Искусство есть нечто *живое*... Даже как-то жутко думать, что этот новый Сократ изгоняет из своего идеального государства Гомера, ибо недоволен тем, как тот изображает богов. Превратив философа в политика, Платон пренебрег образом своего учителя, который даже не знал процедуры выборов, до такой степени он был далек от всей этой суеты. Чевенгур Андрея Платонова потому и умирает прямо на наших глазах, что это *тоже* город-гомункулюс, мертворожденный ребенок, мертвое искусственное образование.

Интересно было бы разрешить загадку, да, возможно, она и разрешена: держал ли писатель Андрей Платонов в уме *философа* Платона, создавая свой роман?

Дело в том, что есть моменты, сближающие Платонова с Платоном до поразительного. Платон, например, говорит об общности жен, о том, что не нужна отдельная семья, все должны жить вместе, и у Платонова почти то же самое («— Это кто такая? — супруга что ль твоя? — У нас супруг нету: одни сподвижницы остались»). Платон хочет, чтобы женщины в его Государстве служили в армии наравне с мужчинами. В связи с равноправием женщин и их причастности к военной службе философ говорит о том, что придется теперь голым мужчинам заниматься с голыми женщи-

нами в одном гимнастическом помещении. А кто будет над этим смеяться, тот покажет полное свое невежество. У Андрея Платонова в *Чевенгуре* есть эпизод, когда Пашинцев, выгнанный из деревни за свои нелепые фантазии, был найден совершенно голым и Копенкин проводит его по Чевенгуру, уверяя, что теперь стесняться нечего, ибо Пашинцев пострадал во имя революции. Когда же Клавдюша встретила их обоих, она стала стыдить Пашинцева и тот застеснялся.

А вот и еще одно любопытное место в романе:

[...] вы зря не пришли с того края города, там висит наш символ и там сказано неизвестно кем, но все равно написано и мы так желаем: лучше будет разрушить весь благоустроенный мир, но зато приобрести в голом порядке друг друга – а посему, пролетарии всех стран, соединяйтесь скорее всего! Я кончил и передаю вам привет от Чевенгурского ревкома[...].¹⁹

Чевенгурская власть заставляет мужчин отказаться от женщин, прикрывая это лозунгами революции, и мужчинам это не нравится, они откровенно тоскуют, так что приходится вновь заводить женщин. Власти (некто вроде вождей-философов из государства Платона) думают, что они знают человека насквозь, и являются «мозгом» народа. А у народа на этот счет своя воля, свои, как говорится, «мозги». Но есть и еще одно. Объяснение тут, видимо, и в самой личности Платонова, на сексуальные проблемы которого уже были наставлены бинокли специалистов. Видно, и он мечтал о революции, которая принесет освобождение и ему самому. Во всяком случае, о гомосексуальной связи между Двановым и Копенкиным он не раз говорит довольно прозрачно и в очень даже дружеских выражениях. Символичны и их имена: фамилия Копёнкин – символ активного начала, в то время как фамилия Дванов – символ пассивного... Весьма двусмыслен и памятник Революции: лежащая восьмерка, – символ бесконечности, а устремленная ввысь стрела, символ... *конечности?*.. Но еще более поразителен в этом смысле следующий отрывок:

У одной окраинной хаты стоял на земле глиняный памятник Прокофию, накрытый лопухом от дождей; в недавнее время о Прокофии думал Чепурный, а потом сделал ему памятник, которым вполне удовлетворил и закончил свое чувство к Прокофию.

...Памятник Прокофию был похож слабо, но зато он сразу напоминал и Прокофия и Чепурного одинаково хорошо. С воодушевленной нежностью и грубостью неумелого труда автор слепил свой памятник избранному дорогому товарищу, и памятник вышел как сожительство, открыв честность искусства Чепурного.

- Его бы надо сделать из камня, а не глины, - сказал Сербинов. - ...
...в первый раз вижу вещь без лжи и эксплуатации.²⁰

¹⁹ *Ibidem*, с.265.

²⁰ *Ibidem*, с.361.

Как известно, Аристотель отрицательно отнесся не только к идее Платона об обобществлении жен, но к тому, чтобы никто кроме вождей-философов не знал кому кем приходится все эти общие родители и общие дети. Аристотель говорил, что все-равно дети будут похожи на отцов и матерей и это будет вызывать проблемы, к тому же, когда этим детям придет время заводить своих детей, то начнется кровосмешение, так что, в результате, все это приведет не просто к осложнению отношений, а к нарушению законности...

Тема «искусственных матерей» тоже есть в *Чевенгуре*:

- Ну, как скажешь, товарищ Дванов? – интересовался дальнейшим Чепурный, вытирая рот. – Жены они, или в матери годятся? ...

...- Лучше пусть матерями, - сказал он [Дванов].

- Кто здесь сирота, - выбирай теперь себе мать! – Сиротами были все, а женщин десять...²¹

Любопытно, что кроме скульптуры в Чевенгуре никакие другие искусства особо не процветали; иногда можно было услышать гармонию, но музыка была невеселая, а однажды даже Дванов подумал, что играющий на гармонии *мужчина* своей тоскливо-зазывной музыкой приглашает его к любовному сеансу, но стесняется выразить это более ясно и Дванов не стал к нему приближаться. Песни, которые можно было услышать в Чевенгуре отличались откровенной тоскливостью и выражением недовольства, так что однажды даже пришлось прикрикнуть на певца, чтобы он замолчал.

Вот отрывок из Платона, который смело мог бы быть эпиграфом к *Чевенгуре*.

[...] если люди поймут, что мы говорим о нем [о философе] правду, станут ли они негодовать на философов и выразить недоверие нашему утверждению, что никогда, ни в коем случае не будет процветать государство, если его не начертят художники по божественному образцу?

- Раз поймут, то уже не будут негодовать. Но о каком способе начертания ты говоришь?

- Взяв, словно доску, государство и нравы людей, они сперва очистили бы их, что совсем нелегко. Но, как ты знаешь, они с самого начала отличались бы от других тем, что не пожелали бы трогать ни частных лиц, ни государства и не стали бы вводить в государстве законы, пока не получили бы его чистым или сами не сделали бы его таким.

- Это верно.²²

Сколько великих чисток знает мировая история! Эти не то философы, не то художники, уподобляются богам, а светлая и гармоничная картина «очищения» предстает нашему сознанию как кровавая и страшная ка-

²¹ *Ibidem*, с.354.

²² Платон, *Государство*, Сочинения в трех томах, т.3, ч.1, Москва 1971, с. 306.

тастрофа, надвинувшаяся на бедное «государство», худо-бедно жившее до пришествия философов-художников, ножами скребущих по «грязным» душам и телам своих подданных, готовя их к преобразению; так и видишь, как на лбу этих художников горят лозунги: «Даешь Чевенгур!»...

В своем комментарии к «Государству» В.Ф.Асмус пишет:

И прав был Гегель, когда указывал, что в «Государстве» Платона «все стороны, в которых утверждает себя единичность как таковая, растворяются во всеобщем, - все признаются как всеобщие люди».²³

Зато через это приобщение к абсолюту, через это растворение в нем, человек и бесконечно возвеличивается... Теперь понятно, почему истинных художников надо было изгнать из Государства «Сократа»: по сравнению со «всеобщими людьми» художник, узревающий в боге несовершенное существо (Гомер, например) есть нечто слишком конкретное, «антивсеобщее», очень опасное.

Платон:

[...] обрати внимание вот на что: тот, кто творит призраки, - подражатель, - как мы утверждаем, нисколько не разбирается в подлинном бытии, но знает одну только кажимость. Разве не так?²⁴

И это Платон говорит о художниках. Получается, что жизнь, изображенная художником – кажимость; жизнь, преображенная философами, – подлинное бытие. Чевенгур Платонова, как художественное творение великих философов, тоже есть *призрак*, абсолютная *кажимость*, и город и люди – все тут призрачно. И вожди, и особенно «прочие», основной народ, который вообще не знает, кто он, что он и откуда он.... Все эти «прочие» (люди, вынесенные за скобки новой жизни) необыкновенно похожи на призраков, на зомби. «Философы» же (Копенкин, Дванов, Чепурный...) тоже похожи на призраков: они все на одно лицо, часто несут просто бред и вытворяют глупости, но писатель к ним ласков и подчеркивает, что у них власть. Похоже на то, что Платонов (судя по некоторым намекам) явно симпатизировал эсерам и, видимо, считал, что эсеровские идеалы преданы большевистской революцией, недаром он так часто говорит о том, что революция идет куда-то не туда. Платонов исходил из того, что революция раскрепостила сознание каждого человека и каждый имел право на свои фантазии. Но недаром же Горький назвал героев Платонова «полоумными». Совершенно очевидно, что этим людям было далеко до уровня Бердяева, но, тем не менее, их свободу мыслить можно охарактеризовать словами знаменитого русского философа:

Мне имманентно трансцендентное или трансцендирование. В моем конечном и ограниченном сознании дана устремленность к беско-

²³ *Ibidem*, с. 608.

²⁴ *Ibidem*, с. 429.

нечному и безграничному. Исключительное замыкание в царстве Кесаря есть замыкание в конечном.²⁵

Разве в сознании - Пашинцева, Копенкина, Дванова, Чепурного, не жила устремленность к бесконечному? Своим романом Платонов как бы возражает Бердяеву, доказывая, что «устремленность к бесконечному», по-своему, очень опасна, она может привести к полоумию. Но очевидно и другое: Платонов явно симпатизирует этим полоумным оригиналам, как бы *подтверждая* симпатии Бердяева к тем многочисленным искателям правды из народа, с которыми русскому философу нередко приходилось беседовать, признавая их незаурядный ум в сильных и интересных рассуждениях решительно обо всем... Михаил Геллер приводит цитату из Платонова, который возражал Горькому, заявившему, что не доверяет разуму масс, а особенно крестьянских масс. Платонов считал, что Горький

верил в разум, лишь конденсированный в интеллигенции, - словно физический народный труд не требует разума и его, этот труд, могут совершать и безумные существа, словно разум не находится как раз ближе всего к практике и будто люди, измученные угнетением, не размышляют о своей судьбе больше любого интеллигента.²⁶

Да, размышляют, но в абсурдистском романе Платонова далеко не все герои Захары Павловичи; очень часто их размышления откровенно гротескны. Похоже, что Платонов и сам не знает, что делать со своими героями, как к ним относиться. Дать им волю - они все погубят; не дать им этой воли, в чем смысл революции? В чем смысл самой свободы?

Платонов изобразил внутреннюю свободу сознания как сплошной абсурд и тем самым носителя этой свободы *унизил*, ибо воспринимать этих героев серьезно нет никакой возможности. Но, с другой стороны, мы все знаем, что получается, если сознание ограничить установками, идущими «сверху», чем бы этот «верх» ни был. В романе Платонова всем заправляет абсолютный дух революции (коммунизм), которому дальше «всеобщих людей», то есть до отдельного человека, никак не сконцентрироваться; дух этот принципиально слеп (как солнце, как коммунизм, а лучше сказать: как солнце коммунизма). И внутри этого слепца бродят слепцы, охваченные тоской по трансцендентному... Герои *Чевенгура* – это Яковы Беме в миниатюре, населяющие сумасшедший дом.

Бердяев очень хорошо сказал: «Личность человеческая есть разрыв в миропорядке».²⁷ Не с этой ли точки зрения и писался роман Платонова? Разрыв был показан гениально. К сожалению, автор не знал, как изобразить прямую этому разрыву противоположность, как показать человека, который

²⁵ Н. Бердяев, *Царство духа и царство Кесаря*, с. 343.

²⁶ М. Геллер, *Предисловие*, в: А. Платонов, *Чевенгур*, *op. cit.*, с. 16.

²⁷ *Ibidem*, с. 233.

есть «восстановление миропорядка». Впрочем, на стороне Платонова тот факт, что этого и до сих пор никто не знает. Точка зрения Бердяева выражает собой принцип искусства: оно рассматривает человека как разрыв в миропорядке с единственной целью: доказать, что только ему, искусству, под силу этот разрыв преодолеть. Так оно, конечно, и есть, но, увы, только в пределах искусства... Вот почему роман Платонова производит очень сильное эстетическое впечатление, но ни на что не дает четкого ответа... Для этого он слишком художественен, слишком талантлив... Для постановки четких задач искусство, как и воображение, слишком свободно...

Ни Бердяев, ни Платонов понятия не имеют, что надо делать, чтобы государство кесаря удовлетворило обыкновенного человека. Но они знают точно, что ни государство, ни человек не есть доска, которую надо «чистить» перед тем, как строить новое государство. «Разрыв в миропорядке» - это пропасть, в которую проваливается всё... И человек, и государство, всё... По отношению к самому себе человек есть кантовская вещь в себе. Как очень хорошо сказано в романе *Чевенгур*: «...живешь всегда вперед и в темноту».²⁸

А что же можно начистить и, тем более, до блеска в темноте, да еще и находу? Отсюда и совершенно уникальная языковая материя романа: в ней «вперед и в темноту» живет *весь мир*, в этом языке культура определяется *своей* довольно темной философией, а философия – не особо-то продвинутой культурой, которая сознательно чурается формальной логики, зато усиленно тяготеет к гегелевской диалектике, или, скажем так, - к полимифизму...

Может быть, именно в этой полимифичности и кроется подлинная гениальность Андрея Платонова. Наши апелляции к Платону и Гегелю отнюдь не попытка лишь на какой-то момент *приподнять* русского писателя до знаменитых философов, чтобы читатель яснее разглядел особенности его мышления. Ничего подобного. Платонов и сам по себе – яркий солнечный свет, поближе к которому можно поднести не только социализм с его котловано-чевенгурской начинкой, но так называемый капитализм тоже...

Американцы любят повторять, сколь многим они обязаны отцам отечества, составившим такую замечательную Конституцию. И, конечно же, американцы правы. Но, увы, Америка это тоже Чевенгур. Это вещь, у которой есть свое «в себе», свое гегелевское отрицание, свой, употребим термин Андрея Платонова, - «котлован».

Одним словом, кому же не хочется верить в то, что истина есть некое установившееся, переставшее вибрировать понятие? И, в то же время, кто же сегодня не говорит о том, что истина относительна? Каждое понятие полимифично; оно нестабильно, оно колеблется, вибрирует... Представим на секунду, что это говорит о себе не русский философ Бердяев, а сама истина:

Мне имманентно трансцендентное или трансцендирование. В моем конечном и ограниченном сознании дана устремленность к бес-

²⁸ *Ibidem*, с. 239.

конечному и безграничному. Исключительное замыкание в царстве Кесаря есть замыкание в конечном.

Но такова и природа самосознания, то есть такого со-знания, которое знает о мире знания, что его центростремительные и центробежные силы пребывают в постоянном единоборстве и поэтому самосознание есть неуверенность *самого знания* в том, что оно видит непосредственно перед собой. Из этих сомнений соткана биография разума... Мне всегда казалось, что вот *эта* биография, точнее элемент сомнения разума в самом себе, и есть область метафизики. Истина метафорична. Перенесение *любой* проблемы, *любого* вопроса в область метафизики, есть чисто герменевтическая акция, в которой процесс трансцендирования расширяет границы познания, провоцируя полимифическое напряжение культурных (трансцендентальных) полей...

Одним словом, Платонов был художником-метафизиком... Судьбу своей родины он воспринимал, быть может, в самом трагическом из всех возможных аспектов - в полимифическом напряжении самой человеческой мысли, на глубине такой ее сокровенности, когда, оказавшись в сердцевине гегелевского тождества-нетождества, мысль эта, летя «вперед и в темноту», сама уже не ведала, где она находилась: посреди бытия или посреди ничто...

Но ведать это ей хотелось с невероятной силой. Возникавшее напряжение и определяло собой интенсивность художественного фантазирования.

Summary

The profoundly metaphysical nature of Andrei Platonov's prose has long been acknowledged. He is not only an artist, but a refined philosopher. This article examines Platonov's prose in the context of the Platonic and Hegelian postulates. The prose of Andrei Platonov constitutes a counter-argument to the gnoseological optimism of the Hellenic and German philosophers: Plato's conviction about the plausibility of creating an ideal state and Platonov's ironic attitude toward Hegel's absolute spirit. This spirit constitutes a universal sunrise over a world full of total contradictions, at times absolutely devastating for "Reason", whose inimitable character has been determined by Plato and Hegel themselves. The dualistic optimism of Plato and Hegel was totally foreign to Platonov. The author does not in any way affirm that his discourse constitutes a conscious polemic with these great philosophers. Rather, his thought penetrates the essence of the problem resulting from this brutal conflict of convictions. The possibility of such an encounter bears witness to the remarkably lofty character of the qualities which distinguish Platonov's philosophic thought.